

Борис ГРЕБЕНЩИКОВ:

Слово БГ мне не принадлежит

Известия - 2002 - 13 апреля - с. 1, 8.

Группе «Аквариум» стукнуло 30 лет. Круглую дату отмечают большими концертами в Москве и Питере и новым альбомом «Сестра Хаос». До начала юбилейных торжеств Борис ГРЕБЕНЩИКОВ объяснил обозревателю «Известий» Алексею МУНИПОВУ, в чем смысл жизни.

— Для меня повод для беседы — только новый альбом, потому что концерты вещь привычная, а 30 лет группе «Аквариум» — повод какой-то фиктивный. Для меня, конечно, приятный — 30 лет свободы. Но что это значит для остальных, я просто не понимаю.

— Что значит «свободы»? — Значит только то, что 30 лет я занимался чем хотел и никто мне, к счастью, не смог помешать.

— Вы говорили о новом альбоме: «Это будет такой «Аквариум», которого вы еще не слышали!»

— Для меня так и получилось. Я ставлю пластинку и с удовольствием понимаю, что, во-первых, такого мощного ритма у нас никогда не было, а, во-вторых, мы добрались до каких-то слоев, которых раньше не очень хотели касаться. Если не в жилу попали, то явно близко к нерву. Мы выкинули 15 отличных песен только потому, что они были записаны раньше 2001 года, а я хотел современности. Не в смысле молодежной музыки, нет. Ведь можно было такого Трики вернуть! Или System of the Down! Понятно же, как это делается. А

хочется сделать то, что непонятно. И что-то мы нашли. Кроме того, я хотел, чтобы всем в группе безусловно нравилось все, что происходит.

— Раньше вы мало обращали внимания на то, чтобы «всем в группе нравилось». Тем более что и музыканты менялись не раз.

— Предыдущий созов «Аквариума» продержался с 1992 по 1997-й. И вот если с одним человеком играешь каждый божий день в течение пяти лет... Это не такая большая текучка, как кажется. Иному бы на две жизни хватило.

— Что вы не сделали за эти 30 лет?

— Ну... Массу всего. Когда я сталкиваюсь со старыми альбомами и смотрю, что в этот же пе-

риод делали Rolling Stones, то понимаю: если бы у нас все было поставлено на другие рельсы и нашлись бы какие-то люди, которые могли бы добавить музыкальный опыт к нашему бесконечному желанию — то мы ведь тоже могли бы... Вот об этом я жалею — впрочем, жалею абстрактно. Но если бы рядом случился Джордж Мартин...

— Вы думаете, это было бы не менее сильно, чем...

— Да было бы более сильно! Потому что вязкость и раздолбайство не делают музыку лучше. Я же помню, как эти песни записывались. Мы просто играть тогда не умели, вот и все. Мы и сейчас-то не умеем, все учимся.

(Окончание на 8-й стр.)

Борис ГРЕБЕНЩИКОВ:

Слово БГ мне не принадлежит

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Как вы полагаете, Борис Борисович, отчего вся отечественная музыка такая невыносимо бледная и унылая?

— Я этот вопрос задаю себе на протяжении последних тридцати лет. Вроде бы научились играть. Вроде бы научились записывать. Вроде бы имеем возможность слушать, ездить, сравнивать себя... Вот в последнем звене, по-моему, проблема: сравнивать себя с тем, что происходит в других местах, никто не желает. И понятно, почему. Человек думает: зачем я буду мучиться?! Да меня же знают в Тамбове! Зачем я буду хорошо писать песни? Все ж и так нормально! Девки бегают? Бегают. Деньги платят? Платят. А чтоб сравнить себя, не знаю, с Red Hot Chili Peppers и задуматься, отчего у них все настолько лучше... Я тоже думал, что играть реггей просто. Когда играешь реггей в России, все легко, все замечательно. А вот когда я на Ямайке взялся записывать песни, то вдруг понял, что мой голос чудовищно неадекватен; что негры поют в любом случае раз этак в десять лучше. А мне, чтобы спеть правильно, нужно два дня драить глотку в студии — чтобы просто чуть-чуть подойти к нижнему порогу. Я смотрю, как записываются у нас, и понимаю, что за пределами России в каждую песню вкладывается труда в десятки, а то и в сотни раз больше. Простой пример из киноискусства: когда Терри Либлиам просит восемь миллионов долларов, чтобы выстроить какую-то безумную маету в кадре, которая и длиться-то будет минуты две, ты понимаешь, что это просто другой масштаб мышления. А у нас делают так, как удобно будет дяде Пете, который заведет гаражом. Ему

неудобно машину отогнать — ну что ж тут поделаешь... Швейцар унес провод от пульта — ну ладно, сейчас другой спаяем, а что звучать будет хреново, ну так и Бог с ним.

— Так, может, проблема все-таки в деньгах — ведь действительно там вложения несоизмеримо большие?

— У нас теперь вкладывается денег не меньше. Мы работали в Лондоне с замечательной девушкой Кейт Сен-Джон, так ее альбомы ей обходятся дешевле, чем даже наши — нам. А вложения денег опять-таки зависят от желания музыканта. Естественно, мне было бы проще записать весь альбом в компьютер, и это не стоило бы вообще ничего. Но мы посравнивали и решили, что все-таки имеет смысл ехать и записывать — это там, а это там. И я не говорю, что мы достигли каких-то высот! Нет — мы чуть-чуть начинаем выходить на нормальный уровень.

— Я немного удивился, когда вы сказали про музыку «последних 30 лет». Я-то имел в виду последние лет пять.

— Это теперь кажется, что раньше было лучше, ярче, живей... На самом деле все было то же самое. Когда появлялись отдельные вспышки, все говорили «Вау!». Но, впрочем, они все-таки появлялись, а сейчас что-то давно ничего не появляется. У Земфиры было несколько хороших песен. И даже у Линды была пара совершенно магических песен.

— Это каких же?

— «Не смотри назад», например. Фангастическая! Я не могу закрыть на нее глаза только потому, что это: фу, попка! Там тоже есть что-то, что цепляет! Но почему это что-то могут выдержать только две секунды, а на целый альбом уже не хватает — вот вопрос.

— Но разве у вас нет ощущения, что вот были дико яркие 70-е, довольно бурные 80-е и, пожалуй, начало 90-х, а потом все как-то скисло и замерло?

— У меня иногда появляется такое ощущение, но потом я спохватываюсь и вспоминаю, что было на самом деле. Мне ведь повезло, я застал еще 60-е — и знаю, что на каждую яркую вспышку приходилось десять тонн серости. Это только сейчас кажется, что из этих вспышек все и состояло. Ни фига. Надо просто не торопиться, делать то, что хочется делать, и время от времени действительность будет подкидывать удивительные чудеса. Кто бы мог ожидать от группы Red Hot Chili Peppers альбома «Californication»? А я его два месяца из плейера не вынимал.

— Но ведь у нас действительно не появилось ничего сколько-нибудь занятного за последние два года — кроме разве что группы «Ленинград». А вам, кстати, нравится «Ленинград»?

— Мне при ближайшем рассмотрении очень понравилась их музыкальная мысль. Аранжировки — хорошие. Но мне очень не нравится, как Шнур себя подает. Потому что жлобов я в своей жизни видел достаточно и никакой необходимости видеть еще одного у меня нет. Вот когда играли Sex Pistols, это меня впечатляло. Потому что кроме хамства и агрессии там было что-то еще. У «Ленинграда» есть точное видение того, что они могут, и им удалось ударить в то место, куда люди не ждут удара. Умение удивить и умение пережлобить жлобов — это уже большое артистическое достижение.

— У Шнура, между прочим, есть песня с припевом «Я — и.о. БГ».

— Я эту песню не слышал. Но с каким бы смыслом он это ни пел — имел ли он это в виду как оскорбление, как комплимент или как что-то третье — меня устраивают все три варианта. БГ — это общественное слово. Оно мне не принадлежит. Если оно оказалось знаковым для Сергея Шнурова — отлично.

— Ну, не только для него. Для целой генерации людей.

— Как только я начну об этом думать, мне будет пора уходить на пенсию. Я спасаюсь тем, что все время ухожу из того места, где фокус света. Прячусь туда, где меня никто не видит. Мы уходим на студию, копаемся в самом говнище, разбираем самые простые вещи и понимаем, что мы опять не умеем этого делать.

— Это мнение, что так мало хороших песен еще и потому, что музыканты не понимают о чем писать. Не могут уловить дух времени — ровно потому, что он сейчас неясен, трудновыразим. В 80-е с этим было проще...

— Я с этой ситуацией сталкиваюсь по крайней мере каждые десять лет. Ничего страшного: надо дать себе фору, и язык напишет себя сам. Чем меньше ты обращаешь внимание на вымышленное давление извне, тем легче все пишется.

— Вот, кстати, соловьевский «Нежный возраст» стал одной из попыток уловить Zeitgeist, найти новых героев.

— (БГ тяжело вздыхает, находит на моем диктофоне кнопку «Стоп» и, выключив его, произносит фразу, смысл которой сводится к тому, что он слишком уважает Сережу, чтобы смотреть этот фильм.) Понимаешь, Сергей Александрович — великий романтик. Он делает фильмы со

своей романтической точки зрения, но я очень боюсь, что взгляд на романтику несколько изменился. Просто потому, что изменился словарь. Старая романтика не работает. Фразы, которыми обменивались влюбленные десять лет назад, сегодня будут звучать как посмешище. Есть, конечно, так называемые вечные ценности...

— Какие-нибудь сонеты Петрарки.

— И они-таки вечные, да. Но в то же время они — антиквариат. Если выйти сейчас на улицу в городе Ростове и прочитать кому-нибудь сонет Петрарки, тебя даже не побьют. Они безусловно потеряли свою убойную силу в переводе и с течением времени. Культура должна переизобретать себя. Два раза одно и то же одними и теми же словами говорить бессмысленно. В этом, кстати, беда с современными нашими музыкантами, которые считают, что если один раз песня получилась, то ее надо перепеть раз шесть. Впрочем, тот же самый упрек относит и ко мне огромное количество людей: мол, Борис Борисович, что же вы поете одни и те же две песни, только меняете там кой-какие слова и кой-какие аккорды? Но, простите, аккордов у нас ограниченное количество. Слов тоже не так много. И я все-таки стараюсь сделать так, чтобы новая песня звучала иначе.

— Но ведь действительно есть ощущение, что вы от альбома к альбому пробиваетесь сквозь стену использованных аккордов и слов, а она вас не пускает.

— Не пускает, зараза, еще как не пускает! А потом случается вот какая штука: на альбоме «Пси» есть песня «Пока несут сакэ». И очень много людей мне говорили:

зачем ты опять записал «Мальчика Евграфа», мол, эта песня — самая слабая на альбоме и т.д. И я сижу, думаю: блин, что ж такое, вроде и аккорды использовал, и вообще... Но вот проходит два года, и выясняется, что из всего альбома осталась только она и когда ты ее играешь на концерте, люди кричат: «А-А-А!». Так что выясняется, что я не ошибся, нет. Все это довольно сложная метафизика, и из того, что я говорю, с равным успехом можно написать философский трактат, а можно пародию на меня. И правильным будет и то, и другое. Важно не это, важно, что песня работает.

— Про «Аквариум» выпустили несколько книг. Кому-то удалось сколько-нибудь верно уловить сущность вашей группы?

— Нет. С моей точки зрения, это можно будет сделать лишь спустя какое-то время после ее смерти. Труп удобно ставить на какую угодно полку — он возражать не будет.

— Может быть, вы сами можете сформулировать?

— В чем смысл жизни — это легко. А вот смысл «Аквариума» — извините.

— Ну давайте хоть смысл жизни.

— (С готовностью.) Жизнь — это возможность как можно дальше продвигнуться на пути полного освобождения. Полное освобождение — значит избавление от всего, что мешает тебе быть тем, кто ты есть. В результате у тебя появляются силы содействовать с этим миром, сотворчествовать с Господом Богом, если говорить в этом словаре, и (на секунду задумывается)... получать удовольствие от жизни. Вот и все. Это просто.